
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

С.А. Баров

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена актуальной проблеме энергетических отношений между Россией и Китаем в геополитическом преломлении российской энергетической политики на Дальнем Востоке. Автор рассматривает и анализирует специфику российского энергетического сотрудничества с КНР применительно к российской энергетической стратегии в АТР и политический стратегий двух стран в Восточной и Центральной Азии.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, политическая стратегия, Восточная Азия, Центральная Азия.

Российско-китайское энергетическое сотрудничество на современном этапе представляется чрезвычайно сложным явлением, в котором политические факторы имеют не меньшее значение, нежели экономические. С одной стороны, действует практический экономический интерес сторон в развитии совместных проектов, с другой — целый комплекс проблем политического характера, связанных с перспективами экономических и интеграционных процессов, реализацией разных моделей энергетической кооперации и политического сотрудничества в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

После визита в Пекин премьер-министра России В. Путина в октябре 2009 г. вновь активизировалось сотрудничество двух держав в нефтегазовой отрасли. Вместе с тем с увеличением энергетического сотрудничества Китая со среднеазиатскими государствами резко возросло влияние в регионе китайских корпораций, которые все чаще начинают конкурировать за доступ на энергопространство стран Средней Азии с российскими компаниями, создавая новые потенциальные поля конфликтности на разных уровнях выстраивания взаимодействия. Политические и экономические отношения между Россией и Китаем определяются множеством направлений, но главное из них все четче просматривается в области энергетического сотрудничества в ЦАР, обозначая принципиально иной вектор и динамику развития общих стратегических отношений и в других регионах мира, прежде всего в Восточной Азии.

В геополитическом плане Центральная Азия является для Китая уникальным регионом, по сути, единственным мировым энергетическим районом, в котором Китай может усилить свое влияние до уровня полного стратегического обеспечения национальных энергетических интересов на крепкой институциональной базе ШОС, сменив на месте регионального лидера СССР и Россию.

Китайский эксперт, заведующий исследовательского центра по России и Центральной Азии Фуданьского университета и исследовательского центра ШОС Джао Хуашен отмечает: «Сфера энергетики является наиболее ярко выраженной областью конкуренции между Россией и Китаем в ЦАР. Представления и общие стратегические подходы двух стран в отношении региона содержат в себе не малую долю конфликтности. Упрощая, проблему можно обозначить так: главная цель России заключается в сохранении своего энергетического монопольного транзитного положения и, вообще, монопольного положения как такового, генеральная линия Китая — это максимально глубокое проникновение в регион и максимально возможный экспорт энергии из него. Концептуальные противоречия, естественно, приводят и к противоречиям политическим. Развертывание энергетического сотрудничества Китая со Средней Азией, сооружение соответствующих трубопроводов, по которым в Китай пойдут энергоресурсы, напрямую затрагивает все то, что Россия считает своими интересами» [26. Р. 315].

Не в меньшей степени усложнение политических отношений между двумя странами в регионе ШОС связано с конкретными проблемами налаживания российско-китайского энергетического сотрудничества на двустороннем уровне, обуславливая таким образом потенциальную конфликтность многостороннего сотрудничества и разных моделей региональной интеграции.

Однако заинтересованность Китая в сотрудничестве с Россией диктуется не только логикой борьбы за политический контроль над ресурсной базой Центральной Азии, но и конкретной необходимостью увеличения поставок российских энергоносителей в Китай, в том числе по новым стратегическим направлениям, магистральным трубопроводным сетям. Не стоит забывать, что для России диверсификация энергосотрудничества в восточном направлении предоставляет дополнительные политические аргументы в диалоге с традиционным покупателем российских энергоресурсов, Европой, и в этом смысле не менее важна.

Россия, несмотря на свои колоссальные возможности, до последнего времени практически не имела доступа до обширного рынка АТР, что было связано с отсутствием соответствующей инфраструктуры и неготовностью правительства заниматься столь приоритетными проектами в энергетической сфере в 90-е гг. Истощение ресурсов Западной Сибири и обострение политических отношений с европейскими покупателями подвигли российские власти к пересмотру своей энергетической доктрины. Курс был взят на Восточную Азию и, естественно, в первую очередь на Китай.

Актуальность сотрудничества с Поднебесной диктовалась еще и тем фактором, что в регионе по потенциальным объемам и качеству сотрудничества в сфере энергетики, кроме Китая, для России альтернативы не существовало (см.: [20. С. 388]). В тоже время Китай, несмотря на гигантскую потребность в наращивании экспорта углеводородов на свой стремительно растущий рынок, проводит весьма взвешенную энергетическую политику, направленную на поиск наиболее оптимальных и выгодных форматов взаимодействия с основными поставщиками, ярким примером чего в последние годы служили безуспешные переговоры по поставочным ценам на российские нефть и газ в Китай.

Возможно, именно неуступчивость китайской стороны привела к тому, что российско-китайское энергетическое сотрудничество в российской энергетической политике в Восточной Азии так и не вышло на уровень стратегического партнерства. Сегодня в отношении региона российское руководство скорее стремится осуществлять многовекторный подход сотрудничества, который предполагал бы привлечение широкого круга потенциальных участников, без непосредственной привязки к Китаю (см.: [2]).

Стратегически важно рассматривать российские планы «продвижения на восток» не только с точки зрения обеспечения новыми потребителями развиваемой энергетической базы сибирских месторождений, выхода к морю и налаживания морских экспортных поставок, но и в геополитическом и геоэкономическом плане, привлечения к комплексному сотрудничеству заинтересованных среднеазиатских государств.

Зам. директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин пишет: «В странах СВА складываются основные «центры притяжения», вокруг которых и будет развиваться многостороннее сотрудничество в энергетической (нефтяной) сфере, невозможное без России. Москва может в этих условиях сыграть главную структурообразующую роль в становлении многостороннего евразийского энергетического (нефтяного) сотрудничества стран СВА и ЦАР» [14. С. 30]. Тем более что контроль над среднеазиатской экспортной системой открывает широкие перспективы проведения независимой от других крупных держав, будь то США или КНР, интеграционной энергетической политики в регионе и в перспективе даже определенное политическое лидерство в этой сфере, основанное на успешной реализации политики «сдержек и противовесов» и решении политических проблем, связанных с приоритетами доступа до евразийской ресурсной базы, между странами Европы и Восточной Азии.

Ведущие российские эксперты-международники С.Ф. Гребениченко и В.П. Давыдов отмечают: «Россия как производитель, поставщик и транзитер доминирует на европейском и центральноазиатском пространствах. В случае же ее выхода после 2010—2012 гг. на энергетические рынки АТР можно будет говорить о глобальном энергетическом объединении трех геоэкономических пространств через Россию» [9. С. 80]. Фундамент такого объединения составит многостороннее сотрудничество, в ядре которого будут лежать стратегические договоренности между основными поставщиками, поэтому-то сегодня так и актуальны инициативы Энергетического клуба ШОС и единого энергетического пространства ЕврАзЭС.

Однако динамика развития отношений России и государств Центральной Азии в последние годы скорее говорит о конкуренции между сторонами, нежели о готовности к кооперации (см.: [16]). Россия проводит свою энергетическую политику в АТР, ориентируясь исключительно на интересы национальных энергетических корпораций без привязки к долгосрочным приоритетам позиционирования державы на мировом энергетическом пространстве.

Российское правительство стремится отстаивать более «свободную» линию, не обременяя себя сложными отношениями со среднеазиатскими производителями. Такая логика продиктована несколькими факторами: во-первых, необходи-

мостью обеспечить потребительской базой собственные месторождения в Восточной Сибири, во-вторых, не допустить конкуренции в поставках энергоносителей со странами ЦАР, как это происходит на европейском направлении, особенно что касается ценового вопроса.

С другой стороны, в контексте идей «энергетической сверхдержавы» и сохранения российского энергетического транзитного преимущества, выхода на мировую политическую арену в качестве страны, объединяющей все евразийское энергетическое пространство, укрепление многостороннего институционального энергетического партнерства в ЦАР является основой российской геоэкономической и геополитической стратегии (см.: [26. Р. 283—284]).

Приходится констатировать, что с постепенной потерей транзитного монополизма, на что российское правительство так и не сумело дать достойный ответ по линии экономической и энергетической интеграции в рамках ЕврАзЭС, внешняя политика России в этой области все больше начинает видеться с привязкой к мощному продвижению в регионе китайской энергетической стратегии, уже приведшей к определенному переделу сфер влияния и определенной смене приоритетов у руководителей среднеазиатских стран.

Китайское правительство проводит иную региональную политику, стремясь к экспортной консолидации энергетических мощностей региона и выводу энергетических отношений из плоскости общего политического сотрудничества. Напомню, что начиная с 1993 г. Китай перестал быть экспортером нефти и стал активно закупать ее за рубежом.

Ежегодные темпы роста более 10% ВВП (даже в период мирового финансового кризиса) требовали не просто увеличения импорта сырья и максимализации производства собственного угля, нефти и газа, но и создания стратегических резервов, что предполагало качественную перестройку энергетической системы Китая и пересмотр национальной энергетической стратегии в рамках концепции энергетической безопасности (см. подробнее: [13. С. 165—180]). Но внутренние резервы и развитие более совершенных и современных форм энергопроизводства и энергопотребления из-за большой ограниченности ресурсной базы способны лишь сгладить всевозрастающую энергетическую зависимость страны от импорта.

За последние годы в сторону увеличения Китаю приходилось не один раз пересматривать прогнозы потребления нефти. Если в 2006 г. импорт сырой нефти составил половину всех потребностей (общее потребление достигло показателя в 355 млн т), а в перспективе до 2010 и 2020 гг. он должен был вырасти до 200 и 250 млн т, то сегодня прогнозы совершенно иные: к 2015 г. Китаю будет нужно до 520 млн т (350 млн т импорта), а к 2020 г. — до 590 млн т (400 млн т импорта). За счет собственного производства компенсировать рост потребления Китай не сможет даже на $\frac{1}{10}$, поскольку к 2020 г. по самым благоприятным прогнозам добыча внутри страны увеличится на 30 млн т, до показателя в 190—200 млн т нефти в год. В 2011 г. производство нефти Китаем запланировано на уровне 145 млн т.

До сих пор основная часть нефти шла в Китай из политически нестабильных стран Ближнего Востока и Африки, через потенциально блокируемый Малаккский

пролив, а в свете ожидаемого роста потребления энергии в Японии, Южной Корее и Индии, которые в отличие от КНР являются полностью энергоимпортирующими странами, обострения конкуренции за нефть из этих регионов будет не избежать. Остроту ситуации добавляет отсутствие у Китая современного танкерного флота (большую часть перевозок осуществляют иностранные суда).

Россия в контексте всех вышеуказанных проблем открывает для Китая грандиозные перспективы по обеспечению национальной энергетической безопасности, как в ресурсном, так и в политическом плане. В отличие от стран ЦАР энергетическая политика России менее зависима от политической позиции США, и это дает возможность выстраивать энергетическую кооперацию с Россией на более прочной основе, а, составляя вместе крепкое ядро в рамках ШОС, действовать в регионе единой силой. В понимании китайской стороны взаимный интерес двух стран составляет хороший фундамент для выстраивания стратегических отношений партнерства в энергетической отрасли, образуя ось всего российско-китайского стратегического сотрудничества (см.: [24. Р. 233—234]).

Однако данное сотрудничество до последнего времени было сопряжено с рядом сложностей геополитического свойства, особенно, в контексте борьбы Китая и Японии по проекту нефтепровода из Ангарска.

Усилия российского руководства наладить многостороннее энергетическое сотрудничество в АТР подвигли Китай проявлять особенно большое внимание развитию отдельных энергетических проектов со среднеазиатскими странами. Китайская энергетическая политика на современном этапе, хоть и определяется необходимостью резкого повышения экспорта сырья из новых направлений (в свое время Китай даже был готов пойти на осуществление российской модели энергетического взаимодействия с ЦАР и Россией), но уже сейчас несет в себе зачатки общеполитического подхода Китая к региону.

Как отмечает узбекский эксперт, сотрудник университета Мировой экономики и дипломатии в Ташкенте Ф.М. Хамраев, внешнеполитическая стратегия Китая, глубокая трансформация которой наблюдается в настоящее время, в среднесрочной перспективе станет многоуровневой, разноплановой, и, что не исключено, достаточно жесткой» [22. С. 81]. И на такую политику нужно будет искать асимметричное конкурентное противодействие, естественно, по линии сотрудничества, поскольку стремление вытеснить Китай из региона будет контрпродуктивным и приведет лишь к обратным результатам.

Провал проекта Ангарск—Дацин и запуск трубопровода Атасу—Алашанькоу стали для российских властей сигналом к пересмотру нефтяного сотрудничества с Китаем, что, частично за счет увеличения поставок по железной дороге, было сделано, но достигнутые объемы сотрудничества явно никак нельзя было называть «стратегическими». Китаю требовалось фундаментальное нефтяное сотрудничество с Россией, предполагающее строительство магистральных нефтепроводов, по которым российская нефть пошла бы в Поднебесную на постоянной основе. Для обеспечения долгосрочной стабильности энергетических отношений обоим сторонам нужно было провести большую работу, согласовать и принять целост-

ную программу энергетического сотрудничества на длительную перспективу (см.: [25. Р. 297]). И это, нужно сказать, было сделано в достаточно короткие сроки.

Решение о сооружении ответвления от ВСТО в сторону Китая «Сковордино—Дацин», принятое в 2008 г. после подписания межправительственного соглашения о сотрудничестве в нефтяной сфере (китайская сторона дала гарантии выделить под проект до 25 млрд долл.), стало определенным прорывом в этом направлении.

Соглашения были рассчитаны на 23 года при оговоренном объеме поставок в 300 млн т, то есть примерно 15 млн т ежегодно. Конечно, 30 млн т нефти в год из России для Китая — это не более 10% его нынешних потребностей, но важен уже сам факт начала поставок, тем более, что их можно будет и увеличить в дальнейшем, впрочем, для этого есть и свои вполне объективные сложности.

Следует более целостно учитывать тот факт, что Россия до сих пор не имеет развитой нефтегазовой инфраструктуры в Восточной Сибири, включая не только проблемы с отсутствием газо- и нефтепроводов, но и с неразработанностью соответствующих месторождений, что сильно тормозит российские стратегические устремления в данной области, нивелируя ресурсное превосходство.

Генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности К. Симонов отмечает: «Когда-то российский нефтегазовый комплекс допустил серьезную ошибку, экономя на инвестициях в геологоразведку и разработку новых месторождений. В итоге — максимально истощены или близки к полному исчерпанию залежи Западной Сибири, введенные в эксплуатацию еще в советские годы. Динамика освоения запасов Востока страны пока серьезно отстает не только от правительственных программ, но зачастую и от темпов прокладки новых трубопроводов. Государство пытается изменить ситуацию, но для ввода в строй новых месторождений нужно большое количество времени. Конечно, если мыслить стратегически, то Россия должна присутствовать на всех крупнейших энергетических рынках. Но тактически (в перспективе 5—10 лет) нам все же предстоит выбирать — Азия или Европа? Поэтому вполне реальной может оказаться ситуация, когда трубопроводные маршруты, созданные для поставок нефти и газа в Юго-Восточную Азию, придется заполнять сырьем, изымаемым из западных экспортных потоков» [16. С. 92].

Полноценное вхождение России на рынок углеводородов Восточной Азии полностью зависит от успешной реализации планов по освоению месторождений в Ванкорско-Сузунском районе и ряде крупных районов в Восточной Сибири, определяемых в Энергетической стратегии России до 2020 и до 2030 г. Месторождения Восточной Сибири очень перспективны и к 2015 г., по прогнозам, должны производить до 25 млн т нефти, а к 2030 г. — до 80 млн т нефти ежегодно, но до сих пор данные нефтяные территории были практически не обеспечены реальными экспортными маршрутами, что не лучшим образом сказывалось на их инвестиционной привлекательности.

Проект ВСТО стал дополнительным стимулом развивать восточносибирские месторождения. В перспективе ВСТО должен быть полностью обеспечен за счет

восточносибирской нефти, но сделать это в краткосрочный период времени будет особенно сложно в связи с резким падением в период мирового финансового кризиса темпов разработки проектов по целому ряду направлений. Президент «Транснефти» Н. Токарев открыто обвиняет в этом власти. Он пишет: «Ни одно из поручений правительства — содействовать проработке источников финансирования для строительства объектов, которые ведет «Транснефть», — и по ВСТО-1, и по ВСТО-2, и БТС, и другим Минфин не выполнил. Все эти грандиозные и важнейшие для страны стройки, да еще в условиях жесточайших финансово-экономических турбуленций, компания ведет самостоятельно» [21]. И это не первые претензии российских компаний к Кабинету министров.

В том, что реализация первой части ВСТО чуть не была сорвана, многие эксперты также винят госорганы, не сумевшие найти надежных подрядчиков. Именно, на правительство ложится миссия консолидировать усилия компаний по выполнению столь масштабных проектов, как, например, строительство вспомогательных нефтепроводов Пурпе—Заполярное и Пурпе—Ванкор, освоение Ковыктинского месторождения и других.

Подобное развитие событий не может не печалить, поскольку столь крупных проектов в регионе не много и нужно стараться по максимуму использовать все предоставляющиеся возможности. Создание единой энергетической системы, ориентированной на восточносибирские месторождения, чрезвычайно важно для целостной инфраструктурной поддержки региона. Так сложилось исторически, что локомотивом производственного и жизненного развития за Уралом являются нефтяные и газовые проекты.

Однако подстройка под сырьевой экспортный потенциал ВСТО всей энергетической системы региона не решит всех проблем, скорее, напротив, обозначит угрозу еще большей монополярной зависимости от рынков крупных стран Восточной Азии, прежде всего Китая.

Российский эксперт, сотрудник Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН В.И. Балакин пишет: «Ситуация с российской интеграцией в Восточно-Азиатский регион складывается драматичнее, чем предполагалось в самом начале XXI в. Экспортные потоки сибирских углеводородов, руд, крупного леса и электроэнергии все более надежно закрепляются именно на внутреннем китайском рынке. Постепенно сырьевая зависимость России от европейского рынка начинает дополняться не менее, а может, и более жесткой зависимостью от рынка Китая» [5. С. 229]. Применительно к российской доктрине развития отдаленных регионов это не сулит ничего доброго. Сценарий превращения России в так называемый «сырьевой придаток» в историческом и общеполитическом контексте, безусловно, нереален, но наращивание экспорта нефти и газа без привязки к долгосрочным планам развития производственных мощностей Сибири и Дальнего Востока может определить негативный вектор развития российской экономики в этих регионах на длительную перспективу и не позволить полноценно интегрироваться в экономическую систему АТР.

Российский эксперт, сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН М.В. Александрова с опасением отмечает:

«Растущая зависимость России от покупателей природных ресурсов препятствует развитию собственной инновационной экономики и в будущем приведет к обнищанию страны. Стратегической задачей должно быть стимулирование перехода к производству и экспорту продукции на основе глубокой переработки сырья и производства готовой продукции из этого сырья. Нынешняя схема освоения природных ресурсов не позволит в перспективе использовать этот сектор экономики как базу экономического развития региона» [3. С. 212].

Российский эксперт А. Анненкова в этой связи обращает внимание на важный компонент реализации проекта ВСТО: «ВСТО — наиболее значимая часть общей программы комплексного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Акцент в реализации этой программы должен делаться не на экспорт сырой нефти, а на развитие перерабатывающих мощностей, обеспечиваемых как раз нефтью из ВСТО» [4].

Подобный подход может стать основой долгосрочной политики модернизации региона и принести реальную пользу людям. В «Энергетической стратегии России на период до 2030 года», принятой в конце 2009 г., отмечается: «Вовлечение в промышленное освоение сложнокомпонентных углеводородных ресурсов региона даст импульс развитию нефтехимического и газохимического производства, будет способствовать опережающему социально-экономическому развитию районов Восточной Сибири и Дальнего Востока, обеспечит темпы роста регионального валового внутреннего продукта, превышающие средние по стране не менее чем на 0,5—1,5 процента в год» [23].

Очевидно, что комплексное развитие ресурсной базы Дальнего Востока и Восточной Сибири, в конечном счете, может привести к технологическому рывку региона (см.: [1. С. 183]).

С другой стороны, кризис нанес ощутимый удар по финансовым возможностям России за счет собственных средств вести крупномасштабные проекты, требующие многомиллиардных вложений. Получение иностранных инвестиций видится выходом из непростой ситуации, но правительству гораздо легче привлечь инвестиции в энергетический сектор под реально экспортно-ориентированные проекты.

В этой связи ВСТО хоть и предоставляет дополнительные шансы инфраструктурного и промышленного развития региона, но преувеличивать значение проекта не стоит, в долгосрочной перспективе без сопутствующих и параллельных программ, возможно, с привлечением крупных иностранных компаний, он не составит существенной структурной компоненты повышения динамики регионального экономического роста.

Не менее важной целью является проведение общего внешнеэкономического курса на интеграцию России в мировую энергетическую систему. Особую актуальность данная задача приобретает в свете того, что восточносибирская нефть более качественная, чем западносибирская, а это позволит вывести новый сорт российской нефти, отвязав его цену от «Брент». Появление новой марки «ВСТО», по мнению экспертов, самым положительным образом скажется на общем месте российской нефти на сырьевом рынке Восточной Азии и мировом сырьевом рынке в целом (см.: [10]).

ВСТО, безусловно, является ключевым российским проектом в АТР, его развитие существенно изменит энергетическое положение региона и может повлиять на всю совокупность энергетических отношений в Евразии, модели трансформации могут быть самыми разнообразными (см.: [6]). Но с геополитической точки зрения в нынешней концепции реализации проект спорен. Энергетические отношения России со странами Восточной Азии идут не опережающими темпами, а отстают от отношений тех же стран со странами Ближнего Востока и в некоторой степени Центральной Азии. Часть проблем корнями уходит еще в советскую эру, часть в 90-е г., но стоит признать, что те возможности, которые открывались перед Россией в 2003—2005 гг., за последние пять лет были упущены.

ВСТО в какой-то мере ставит целью компенсировать торможение в торгово-экономическом сотрудничестве России в АТР, но без должного политического подхода к проекту всех потенциально возможных геополитических и внешнеэкономических выгод это ничего не даст, обеспечив лишь диверсификацию российского нефтяного экспорта, но не более.

Возможно, на данном историческом этапе подобный сценарий является лучшим вариантом осуществления идеи бесконфликтного или гармоничного развития отношений в энергетической сфере между странами Восточной и Центральной Азии, но в таком случае России нужно усиливать политическую и геостратегическую кооперацию со всеми заинтересованными сторонами, уменьшая потенциал столкновения экономических интересов разных игроков на столь обширном энергетическом пространстве. Необходимый для этого многосторонний формат обсуждения различных проблем, к сожалению, пока отсутствует. Стороны предпочитают вести двусторонние отношения.

Так или иначе, уже сам факт наращивания объемов нефтяного сотрудничества России со странами АТР станет фактором снижения напряженности, но «подтягивать» под него крепкую институциональную основу все равно придется.

Постепенно, по мере развития ВСТО, строительства новых нефтеперерабатывающих станций мощность трубопровода будет увеличена до 50 млн т прокачки с перспективой выхода на уровень в 80 млн т. Расширение ВСТО даст возможность увеличить поставки и по трубопроводу Сковордино—Дацин.

Данная перспектива пока носит несколько размытый характер, но стоит ожидать, что по мере роста потребления нефти в Китае правительством Поднебесной будут приложены необходимые усилия для перенаправления российских нефтяных потоков в китайскую сторону.

Будучи наиболее энергопотребляющей страной в регионе, Китай активно ведет борьбу за наиболее приоритетный доступ к основным источникам энергии на континенте, стремясь пробить такие формы и форматы сотрудничества, которые исключали бы многосторонние схемы взаимодействия и ставили бы самих поставщиков в большую зависимость от китайского потребителя.

Российский эксперт, генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций Д. Орлов отмечает: «КНР не просто откровенно не заинтересована в ВСТО-2, ориентированном на рынок АТР в целом. Одна из очевидных целей китайской элиты — вообще монополизировать поставки восточноси-

бирской нефти, лишив Индию и Корею других возможных потребителей. Россия, де-факто согласившись на подобную монополию, на долгие годы попадет в зависимость от одного, пусть и очень крупного, потребителя. Поэтому очевидная встречная цель России — осуществив строительство ответвления от ВСТО в Китай, гарантировать диверсификацию поставок, исключить возможную зависимость от Поднебесной и реализовать ВСТО-2» [15].

Учитывая реалии последних лет, российской стороне не только невыгодно экономически направлять все объемы нефти из Восточной Сибири в Китай, но и ошибочно геополитически, поскольку это автоматически означало бы резкое повышение национальной роли Китая в регионе, по сути, преимущество в конкурентной борьбе с Японией и Южной Кореей, а также дало бы Китаю дополнительные политические возможности развивать центральноазиатское направление, тем более что такое развитие событий могло привести к стремительному обострению отношений с США, не заинтересованных в столь быстром возвышении Китая в Азии (см.: [7. С. 277]).

Ведущие российские востоковеды М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе отмечают: «Американские интересы в отношении Китая всегда учитывали необходимость его «превентивного сдерживания», то есть ослабления потенциала сопротивления американскому силовому давлению как минимум в регионе Восточной Азии, а как максимум — на глобальном уровне. Расчет при этом строится на том, что со временем Соединенным Штатам придется заставить китайское руководство принять американские правила игры и подчинить свое внешнеполитическое поведение США» [12. С. 101].

Политическая практика показывает, что Китай на современном историческом этапе не готов брать на себя обязательства, связанные с ролью мировой сверхдержавы, и не будет осуществлять поддержку своих союзников в ущерб отношениям с Америкой. Китай по-прежнему придерживается осторожной тактики реализации своих интересов в разных регионах мира, предпочитая не идти на прямое столкновение с какой-либо крупной державой.

Уровень отношений Китая и Америки с каждым годом опускается все ниже, активизация китайской внешней политики в восточноазиатском направлении может повлечь за собой нарушение баланса интересов в регионе на очень длительный период времени, возможно, измеряемый несколькими десятилетиями, и соответствующими ответными мерами со стороны проамериканской коалиции. Китай в таком противостоянии займет далеко не превосходные позиции, поэтому вряд ли стоит ожидать, что даже в деле обеспечения национальной энергетической безопасности Китай поступится своими хрупкими отношениями с США. В будущем это неизбежно, но не на современном этапе.

В любом случае преувеличивать влияние «американского фактора» и не развивать системное нефтяное сотрудничество с китайской стороной для России также ошибочно, поскольку это подхлестнуло бы конкуренцию китайских и российских корпораций в Средней Азии и воспринималось бы в Китае политически неоднозначно, возможно даже как попытку энергетически изолировать Китай.

Газовые отношения между Россией и Китаем, несмотря на свою меньшую приоритетность, также занимают значительное место в российско-китайском энергетическом сотрудничестве. Потребность Китая в газе в ближайшие 20 лет будет расти значительными темпами, и этот рост вряд ли может быть осуществлен без участия России. Российской стороне, как отмечают эксперты, подобное сотрудничество не менее выгодно: «Стратегия „Газпрома“ как глобальной энергетической компании предполагает выход на новые перспективные рынки.

Значительный потенциал спроса на российский газ существует в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего — в Китае.

Открывая китайский рынок, «Газпром» диверсифицирует направления экспорта. Возникающие при этом обязательства перед Китаем по поставкам газа никак не отразятся на исполнении уже заключенных контрактов с другими странами — покупателями российского газа. Для этого «Газпром» обладает достаточными ресурсами газа и возможностями по добыче» (см.: [18]).

Действительно, потенциал кооперации сегодня очень высок: «После удовлетворения внутренних потребностей экспорт газа из Западной и Восточной Сибири, Республики Саха и шельфа острова Сахалин в АТР может быть доведен к 2020 г. до 78 млрд кубометров в год, к 2030 г. — до 145 млрд кубометров в год» [19].

С заключением между «Газпромом» и КННК в 2006 г. соглашения по поставкам в Китай российского газа по двум направлениям, восточному и западному, перед российско-китайским газовым сотрудничеством открывались большие перспективы. Восточное направление, во многом параллельное ВСТО, было ориентировано на восточносибирские месторождения и на поставки газа с Сахалина, по западному направлению газ должен был пойти из западносибирских месторождений до Урумчи.

Изначально российским руководством приоритет отдавался именно западной магистрали, проекту «Алтай», предполагавшему строительство газопровода пропускной мощностью в 80 млрд кубометров в год. Стоимость проекта оценивалась в 10 млрд долл.

Однако уже на уровне согласований возникли разногласия по ценовому вопросу, и в конце 2008 г. российское правительство объявило о приостановлении обоих проектов.

Китайская сторона настаивала на ценах значительно более низких, чем те, по которым с тех же западносибирских месторождений газ следует в Европу. Россию такие условия в свете необходимости привлечения инвестиционных средств на строительство газопровода и стремления окупить его в «разумные сроки» совершенно не устраивали, тем более что в случае осуществления проекта Китай фактически становился бы единственным направлением поставок и мог оказывать существенное давление на «Газпром» в определении цены и далее. При этом стоит отметить, что российская сторона предлагала КННК покупать газ по ценам на 100 долл. (около 300 долл.) большим, чем центральноазиатский газ должен был идти в Китай через систему «Туркменистан Китай» по договоренностям между КННК и «Туркменгазом».

Только во время визита премьер-министра России В. Путина в Пекин в октябре 2009 г., как заявлялось, удалось достигнуть определенности в этом вопросе, но ни на пресс-конференции российского премьера, ни в последующие месяцы конкретная цена так и не была названа. Однако было объявлено, что в ходе консультаций была определена формула цены, она будет привязана к азиатской нефтяной корзине. Примерная стоимость составит 250 долл. за тысячу кубометров. Были также установлены новые сроки реализации обоих проектов: в западном направлении газопровод должен быть построен до 2015—2016 гг., а в восточном — к 2018 г. По договору «Газпром» взял на себя обязанности ежегодно поставлять в Китай до 70 млрд кубометров газа по обоим направлениям (по западному пойдет примерно 38 млрд кубометров, а по восточному — 30 млрд).

Вместе с тем экспортные поставки газа по проекту «Алтай» в связи с запуском газопровода «Туркменистан—Китай» для китайского правительства уже не столь актуальны, как трубопровод в северо-восточные провинции, где традиционно наблюдается серьезная нехватка этого сырья и куда не проложено пока ни одного газопровода, но все инициативы по восточному направлению завязаны на поставках газа с Ковыктинского месторождения, разработка которого приостановлена, и с сахалинских месторождений, в частности с проектом «Сахалин-1». КННК уже проведены основные согласования по этому вопросу с компанией Exxon Mobile, дело остается за российской стороной, которая не спешит «давать добро» проекту.

Если «Газпром» все-таки решит построить газопровод, то Китай сможет получать до 5 млрд кубометров газа с Сахалина ежегодно, но российское правительство занимает непреклонную позицию: весь сахалинский газ должен идти на нужды Восточной Сибири и Дальнего Востока. Примечательно, что проект «Сахалин-2» полностью ориентирован на Японию.

В контексте роста потребности Китая в газе до показателей в 2013 г. в 150 млрд кубометров, а в 2020 г. до 280 млрд кубометров, из которых только $\frac{1}{4}$ Китай обеспечит за счет разработки собственных месторождений, проблему с обеспечением газом для китайской экономики властям Поднебесной нужно решать оперативно. В 2011 г. Китай собирается произвести газ не более чем на 34 млрд кубометров. По мнению некоторых экспертов, в случае незаинтересованности России в дальнейшем развитии газового сотрудничества с Китаем китайская сторона вполне могла бы обеспечить свои интересы в газовой сфере и без участия России, наладив партнерство с центральноазиатскими и ближневосточными странами (см.: [11]).

Стоит признать, что в отличие от энергетических отношений с Россией сотрудничество в Средней Азии для Китая в последние годы носило более интенсивный и поступательный характер. Китай приложил большие усилия, чтобы выйти к газовым ресурсам ЦАР, развивая газовое сотрудничество со странами региона как на двусторонней, так и на многосторонней основах.

Для максимального обеспечения своих энергетических интересов КННК было важно не только получать экспортный среднеазиатский газ, но и самостоятельно

вести разработку месторождений, с которых осуществляются поставки, чтобы, по возможности, исключить из процесса третьи стороны. В результате КННК удалось заключить контракт с «Туркменгазом» на разработку месторождений Самандеп и Южный Йолгань-Осман, из которых, как и из Довлетабатского месторождения, в ближайшие 30 лет в Китай будет поставляться до 30—40 млрд кубометров газа в год (см.: [8]).

Газопровод «Туркменистан—Китай», проходящий транзитом через Узбекистан и Казахстан, был открыт в декабре 2009 г., в 2010 г. ориентировочно поставлено 13 млрд кубометров газа, к концу 2011 г. эта цифра вырастет до 30 млрд кубометров, а к 2013 г. превысит 40 млрд кубометров.

Если предположить, что к 2015 г. Россия начнет поставлять Китаю газ в объемах 10—15 млрд кубометров ежегодно, то процент потребляемого в китайской энергетике российского газа составит не более 15%, а центральноазиатского, соответственно, 30—40% (при расчетном объеме в 150 млрд кубометров), хоть это и больше, чем по нефти, но цифры все равно скромные. В то же время политические приоритеты газового сотрудничества обеих держав уже расставлены, и с большой долей уверенности можно заявить, что проекты будут доведены до конца, но на этом пути очень важны взаимные уступки и стремление к консенсусу.

Очень многое в энергетических отношениях между Россией и Китаем на современном этапе зависит от того, как будет развиваться практическое сотрудничество двух стран по проектам ВСТО и западному и восточному газовым направлениям, от того, какую энергетическую стратегию выберет Россия в продвижении своих энергетических интересов в Восточной Азии.

Однако совершенно очевидно, что Китай, становясь мощным региональным энергетическим игроком, на российские устремления будет отвечать своим инициативами, которые могут идти вразрез с российским видением энергетического взаимодействия в регионе. Несмотря на неминуемую политическую и экономическую конкуренцию двух стран, сторонам все-таки стоит искать общие точки соприкосновения.

Безусловно, Россия в силу исторических причин сохранит преимущество перед Китаем и в плане моделей энергетической кооперации с разными участниками энергетического диалога в регионе, и в плане реальных возможностей его развивать, но за последние годы потенциал такого преимущества реализован не был, поэтому новые концептуальные разработки российской энергетической стратегии в Азии приобретают все большую актуальность, становясь насущной необходимостью, и в них, по всей видимости, Китаю будет отведено место полноправного партнера. Зам. директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин в этой связи отмечает: «Новый подход, который формируется в российском руководстве относительно Китая, включая и сферы энергетического сотрудничества, — это смотреть на российско-китайские отношения объективно, как на отношения стратегического партнерства в энергетической сфере. Стремиться усиливать партнерскую составляющую наших отношений и уменьшать удельный вес соперничества. Причем делать это приходится России, когда Китай все более настойчи-

во заявляет о своих глобальных притязаниях и региональных интересах. Усиление партнерской составляющей предполагает не сдерживание выхода Китая за свои национальные границы — это уже произошло, а использование китайской энергии в интересах развития глобальных и региональных режимов безопасности и развития энергетического сотрудничества» [14. С. 32].

Однако пока остается неясным, пойдет ли Россия на развертывание полноценного экономического и политического сотрудничества в энергетической сфере с Китаем или нет и, если «да», то, на каких принципах оно будет осуществляться, какие модели взаимодействия будут выбраны в Центральной и Восточной Азии? Думается, что обе страны постепенно приходят к пониманию необходимости следования целям гармоничного соразвития, но, как показывает практика, это порой непростой и тернистый путь.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Андреанов В.Л.* Перспективы энергетического взаимодействия в контексте сотрудничества «Россия—Китай—АТР» в условиях мировой финансовой нестабильности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронов. — М.: ИДВ РАН, 2009.
- [2] *Александров Д.* Диверсификация рисков для России. URL: <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=115>
- [3] *Александрова М.В.* Программа развития смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2010.
- [4] *Анненкова А.* ВСТО и стратегия диверсификации. URL: <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=142>
- [5] *Балакин В.И.* Китайский взгляд на вопросы восточноазиатской региональной интеграции // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2010.
- [6] *Безверхов А.* ВСТО: проект уникальный во всем. URL: <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=143>
- [7] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / А.Д. Воскресенский. Глава 11: Основные вызовы и риски восточноазиатских региональных отношений России. — М.: МГИМО-Университет, 2010.
- [8] Газовый гамбит Китая // *Business Resource*. 15 января 2010. Вып. № 293. URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1263589860>
- [9] *Гребениченко С.Ф., Давыдов В.П.* Энергоресурсы и геополитические интересы России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Политология». — 2008. — № 4.
- [10] *Еремин А.* Сорт «ВСТО»: через пять лет — маркерный. URL: <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=140>
- [11] Китай газует без «Газпрома». В Пекине могут решить свои газовые проблемы и без России. URL: http://www.ng.ru/economics/2010-03-30/1_china.html
- [12] *Крупянка М.И., Арешидзе Л.Г.* США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». — М.: Междунар. отношения, 2010.
- [13] *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай — Россия-2050: стратегия соразвития. — М.: Институт экономических стратегий, 2006.

- [14] *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства // Отв. ред. академик М.Л. Титаренко. — М.: ИД «ФОРУМ», 2009.
- [15] *Орлов Д.* Новая геометрия нефтяных интересов // Независимая газета. URL: <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=130>
- [16] От Рейна и Дуная — к Янцзы и Гангу // Нефть России. — 2008. — № 001.
- [17] *Панфилова В.* Россия отдаляется от Центральной Азии. URL: http://www.ng.ru/courier/2010-01-18/11_donors.html
- [18] Поставки газа из России в КНР могут начаться в 2015 году. URL: <http://www.regnum.ru/news/1268032.html>
- [19] Прогноз развития нефтегазового комплекса России и экспорта нефти, нефтепродуктов и газа на новые рынки АТР. URL: <http://www.sibai.ru/content/view/427/541>
- [20] *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. — М.: Памятники исторической мысли, 2008.
- [21] *Токарев Н.* Строить можно что угодно, но тариф тогда будет «безумный». URL: <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=141>
- [22] *Хамраев Ф.М.* Особенности стратегии Китая в Центральной Азии: трансформация и обновление // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2010.
- [23] Энергетическая стратегия России на период до 2030 года от 13.11.2009.
- [24] *Wei J., Shulong Ch.* Zhongguo waijiao zhanlue he zhengce (Китайская внешнеполитическая стратегия и внешнеполитический курс) // Beijing: shishi chubanshe. — 2008. — 4.
- [25] *Yinghua R.* Shiji zhijiao Zhongguo waijiao sixiang yu shijian yanju (Современные отношения. Китайский внешнеполитический подход. Практическое исследование) // Zhongyang wenxian chubanshe. — Beijing, 2007. — 11.
- [26] *Huasheng Zh.* Zhongguo de zhongya waijiao (Внешняя политика Китая в Средней Азии) // Beijing: shishi chubanshe. — 2008. — 9.

THE POLITICAL PROSPECTS OF RUSSIAN-CHINESE ENERGY COOPERATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ENERGY POLICY IN EAST ASIA

S.A. Barov

The Department of Comparative Political Studies
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The given article is devoted to the actual problem of energy relations between Russia and China in the geopolitical breaking of the Russian energy policy in Far East. The author examines and analyzes the specifics of the Russian energy cooperation with China in relation to Russian energy strategy in the Asia-Pacific region and the political strategies of the two countries (Russia and China) in East and Central Asia.

Key words: energy cooperation, political strategy, East Asia, Central Asia.